Предлагаем вниманию читателей публикацию сайта Rivers.help.

==========

46-я сессия Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО состоится 21-31 июля в Нью-Дели. Почему это ежегодное мероприятие важно для охраны природы в странах Центральной Азии и как сейчас обстоят дела с уникальными объектами Всемирного наследия в центральноазиатских странах? Об этом мы беседуем с доктором охраны природы, главным специалистом казахстанского общественного фонда «Реки без границ» Евгением СИМОНОВЫМ.

— На сегодняшний день Всемирным наследием – достопримечательностями, имеющими ценность для всего человечества – признаны 1199 объектов во всем мире. На территории Центральной Азии расположены чуть больше двадцати из них. Достаточно ли внимания ЮНЕСКО уделяет нашему региону с его богатым культурным и природным наследием?

— Давайте я поставлю этот вопрос по-другому: почему страны региона, подписавшие и ратифицировавшие Конвенцию об охране Всемирного наследия, уделяют столь мало внимания полноценному участию в ней? В сравнении, например, с Российской Федерацией, у всех стран Центральной Азии, вместе взятых, в полтора раза меньше объектов наследия, хотя ни в природном, ни в культурном разнообразии они явно не уступают этой более северной стране. Почему так? Наверное, страны региона могли бы активнее выдвигать новые объекты на получение статуса Всемирного достояния человечества, а главное – лучше сохранять уже заявленные и внесенные в список Всемирного наследия достопримечательности.

Но сейчас для стран Центральной Азии так называемые «теневые списки» объектов-кандидатов для рассмотрения ЮНЕСКО превратились, по сути, в списки упущенных возможностей. Например, в 2002 году Иле-Алатауский национальный парк в Казахстане был внесен в теневой список как потенциальный объект Всемирного наследия «Северный Тянь-Шань». Это действительно замечательная ключевая территория биоразнообразия с завораживающими природными ландшафтами. Однако за последние 20 лет эта горная территория испытала колоссальное

антропогенное воздействие, так как на ней бессистемно развивалось туристско-рекреационное строительство, а расползающийся вверх по склонам город Алматы активно подминал под себя природные комплексы.

В результате уникальная территория уже утратила часть своей выдающейся природной ценности, что ставит под вопрос возможность внесения её в список Всемирного наследия. К сожалению, «теневой список» потенциальных объектов наследия ЮНЕСКО, предложенный Казахстаном, вообще не содержит каких-либо других природных объектов, а это значит, что государство, видимо, не имеет стратегических планов по расширению сети памятников природного наследия на своей территории. Впрочем, в теневых списках остальных государств Центральной Азии также преобладают природные объекты, предложенные к рассмотрению еще 10-20 лет назад, и перспективы их включения в список весьма туманны.

Поэтому вопрос о числе и состоянии памятников наследия обращен не к ЮНЕСКО. Объекты Всемирного наследия сохраняют и предлагают к внесению в список сами государства-участники конвенции. С них весь спрос.

— Кроме собственно государств, в развитии нашего региона существенную роль играют международные финансовые организации (Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития, Азиатский банк развития и другие). Входит ли охрана Всемирного наследия в список их центральноазиатских приоритетов?

— Крупные международные инвесторы имеют свои социально-экологические стандарты, и у каждого прописан либо запрет на финансирование, либо особая процедура оценки для проектов, которые могут затронуть объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО. Охрана Всемирного наследия заявлена ими как приоритет – что в Африке, что в Центральной Азии. Но это на словах, а на деле?

Прямо сейчас искренность намерений и строгость правил международных банков проходит проверку на объекте Всемирного наследия «Тугайные леса заповедника Тигровая Балка» в Таджикистане. Этот заповедник не зря стал объектом Всемирного наследия в прошлом году: тут сохранились самые уникальные пойменные леса Центральной Азии, в реке все еще живут чрезвычайно редкие осетры – амударьинские лопатоносы.

Однако тугайные пойменные леса целиком зависят от природного режима стока реки Вахш, а он был существенно изменен в советское время при создании Вахшского каскада из пяти ГЭС. С тех пор уникальные экосистемы «Тигровой балки» находятся в угнетенном состоянии, ибо лишены паводков, а властями время от времени заявляется намерение наладить искусственные попуски воды с каскада ГЭС, имитирующие естественные наводнения. Только уже 50 лет воз и ныне там.

Всемирный банк, Азиатский банк развития, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и еще 6-7 финансовых институтов намерены вскладчину профинансировать достройку крупнейшего водохранилища каскада – Рогунского. Водохранилище Рогунской ГЭС будет по объему больше, чем все уже существующие вместе взятые, и может либо окончательно лишить «Тигровую балку» надежд на выживание, либо как раз обеспечить достаточные попуски для поддержания и восстановления ее экосистем.

Сейчас наш фонд и еще ряд общественных организаций из разных стран мира ведет интенсивный диалог с международными банками развития во главе с Всемирным банком, чтобы закладываемые для Рогунской ГЭС проектные решения смогли предотвратить дефицит паводков и остановить деградацию экосистем «Тигровой балки».

Если вопрос о достаточном экологическом стоке для объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО не будет решен, то это поставит под сомнение выполнение экологических требований сразу пяти международных банков развития. Впрочем, в нынешнем проекте Рогунской ГЭС можно насчитать еще как минимум с десяток грубых нарушений социально-экологических стандартов. Пока все они не исправлены, принятие решения о финансировании проекта ГЭС будет являться грубым нарушением важнейших основ экологической политики международных банков развития.

И да, можно согласиться с тем, что в нашем регионе велика роль международных институтов развития. Но тем большее значение приобретает роль третьего сектора – общественных организаций, которые могут принуждать банки развития соблюдать собственные нормы и правила. Весной этого года мы организовали специальный семинар в Алматы для центральноазиатских общественных организаций, чтобы научить их использовать механизмы работы международных институтов развития с жалобами местных жителей и НКО. Осенью по итогам семинара выпустим методическое пособие с конкретными кейсами по Казахстану и другим странам.

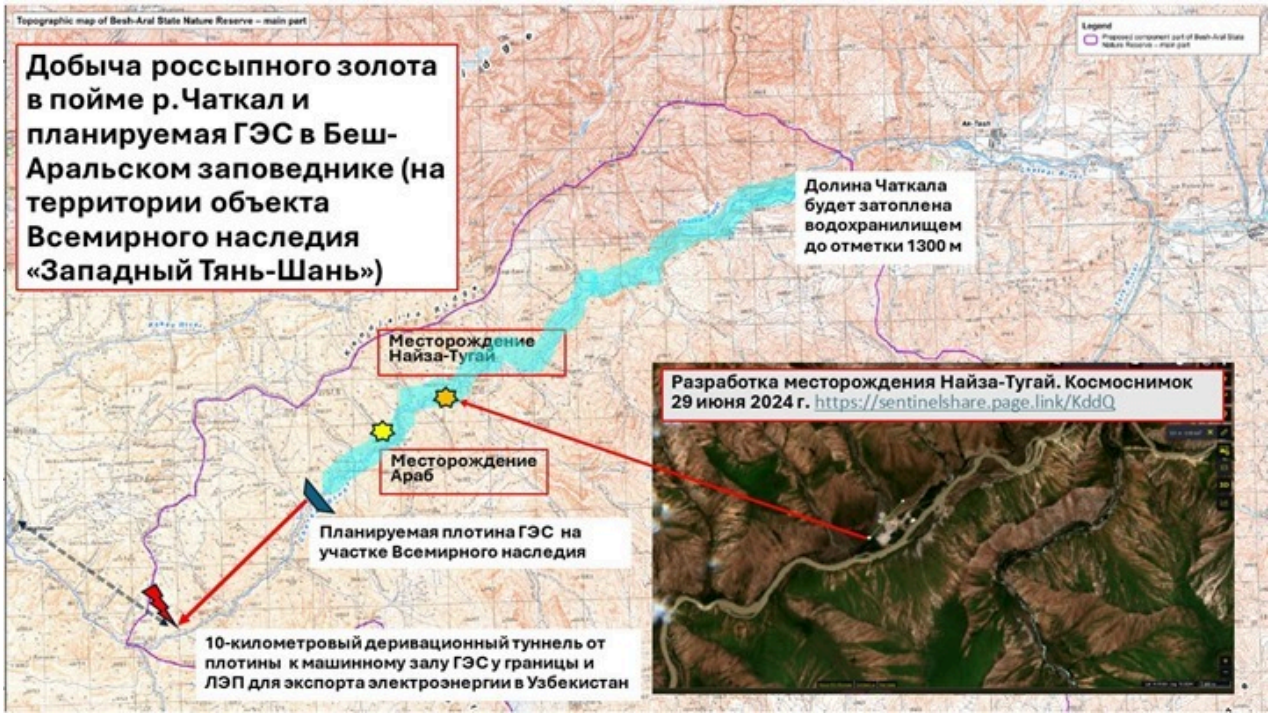
— Если говорить про конкретные кейсы, то какие объекты Всемирного наследия на территории Центральной Азии вызывают сейчас особое внимание? И почему? Прогнозируете ли вы существенное ухудшение состояния какого-либо объекта наследия в Центральной Азии в ближайшей перспективе?

— К сожалению, в нашем регионе внимание обычно привлекают угрозы объектам Всемирного наследия, а не успехи в их сохранении.

Можно посмотреть на природный объект Всемирного наследия «Западный Тянь-Шань», судьба которого висит теперь на волоске. В объект входят 13 особо охраняемых природных территорий – одна другой ценнее – в Казахстане, Узбекистане и Кыргызстане, и в каждой из этих стран над территориями объекта нависла угроза необратимой деградации.

Например, в Кыргызстане важнейшими частями объекта «Западный Тянь-Шань» является государственный заповедник «Беш-Арал» – важнейший сохранившийся участок богатых видами низкогорных экосистем вдоль реки Чаткал у границы с Узбекистаном. С усердием, достойным лучшего применения, правители Кыргызстана вот уже в течение года неустанно стараются разрушить этот объект Всемирного природного наследия. Сначала они разрешили пробить сквозь него дорогу и начать внутри объекта добычу россыпного золота на месторождении Найза в пойме реки Чаткал, что категорически запрещено в рамках международной конвенции по охране Всемирного наследия. А теперь власти активно ищут инвестора, чтобы построить у границ Узбекистана ГЭС, водохранилище которой затопит долину Чаткала на большей части ее прохождения по территории заповедника.

Этим летом при поддержке Всемирного банка проект активно рекламировался на австрийском форуме потенциальных инвесторов в энергетику Кыргызстана, хотя такое начинание тоже категорически запрещено Конвенцией, да еще и имеет массу альтернатив на других, менее охраняемых реках Кыргызстана. При этом чиновники недобросовестно выдают свои планы за «вариант, одобренный Академией наук», тогда как ученые-биологи однозначно предупредили их, что создание ГЭС на Чаткале разрушит ценнейшие природные комплексы. Такое поведение показывает катастрофически низкую экологическую культуру и очень скоро приведет объект в список ЮНЕСКО «Всемирное наследие под угрозой».

В Казахстане также имеются планы уничтожения участков объекта Всемирного наследия «Западный Тянь-Шань» путем создания множества плотин на его водотоках. В целом у чиновников напрочь отсутствует понимание, что экосистемы рек – важнейшая часть биоразнообразия, и при этом самая уязвимая часть.

Созданная нами недавно интерактивная карта плотин в горных районах Центральной Азии со всей убедительностью показывает, что в регионе повсеместно поощряется создание мелких ГЭС, плотины которых фрагментируют речные экосистемы, при этом деградирует среда обитания рыб и иных водных видов, нарушаются ландшафты долин, а с ними и туристско-рекреационная ценность горных ущелий.

При этом ни экономической, ни энергетической ценности для общества эти ГЭС не имеют – энергии они дают мало, да еще и с перебоями на периоды засух, а продавать ее могут только по очень сильно субсидируемым государством ценам. Сливки снимает капиталист, владеющий проектом, а расплачивается за все это налогоплательщик и живая природа.

На самой территории и в непосредственных окрестностях объекта «Западный Тянь-Шань» мы насчитали до десяти планируемых проектов таких «малых ГЭС», которые положат конец пресноводному биоразнообразию практически всех рек, протекающих по уникальной природной достопримечательности.

Но все же самым страшным по негативным последствиям для природы в Казахстане является каскад ГЭС, планируемый на трансграничной реке Угам, которая целиком протекает по Сайрам-Угамскому национальному парку – участку объекта Всемирного наследия «Западный Тянь-Шань». Проект выдуман еще в 1970-е годы, но осуществить его без госсубсидий невозможно.

И вот теперь, чтобы помочь ряду бизнесменов построить от трех до семи ГЭС, к проекту добавлен элемент государственной важности: «питьевой» водовод для шести районов Туркестанской области Казахстана. Естественно, не будь там проекта ГЭС и могучих лоббистов, власти нашли бы десяток иных, менее дорогостоящих и надежным способов обеспечить население питьевой водой.

Как и в случае с Беш-Аральским государственным заповедником, реализация проекта практически разрушит центральную речную долину нацпарка – его главную природную ось. По слухам, инвесторы согласились на проведение оценки воздействий на объект наследия, но на сайте ЮНЕСКО нет информации о том, что результат оценки передан на рассмотрение органов Конвенции. Тем не менее в июне 2024 года правительство Казахстана уже приняло специальное постановление о проведении переговоров «с потенциальным частным партнером на основании частной инициативы». То есть, не дожидаясь оценок, государство готово дать влиятельному частнику деньги для разрушения объекта Всемирного наследия. Нонсенс!

В узбекской части объекта Всемирного наследия «Западный Тянь-Шань» также есть проблемы, но, насколько я знаю, пока в основном управленческого характера, хотя и там по крайне мере одна новая гидроэлектростанция (ГЭС «Акбулак») планируется непосредственно ниже по течению от участка «Майдантал» и может очень негативно повлиять на его пресноводные экосистемы, а оценку воздействия на всемирное наследие до сих пор никто не проводил.

Я ожидаю, что судьба трансграничного объекта «Западный Тянь-Шань» будет очень трудной, если все три страны – Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан – не осознают угрозу утраты его уникальных природных ценностей и не предпримут экстренные меры по предотвращению деградации Всемирного наследия ЮНЕСКО. Государствам нужно осознать, что важнейшим инструментом по предотвращению ущерба в ходе проектов развития является проведение оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) в контексте Всемирного наследия и обсуждение её результатов с органами Конвенции.

В рамках оценки в обязательном порядке должны проводиться консультации с заинтересованными сторонами, прежде всего с общественными организациями и местным населением. Именно поэтому мы помогли ЮНЕСКО в этом году перевести на русский язык и издать «Руководство и методическое пособие по оценке воздействия в контексте Всемирного наследия» и везем его теперь на сессию в Нью-Дели – в том числе для того, чтобы познакомить с ним делегации центральноазиатских стран.

— Насколько хорошо центральноазиатские государства-участники конвенции по охране Всемирного наследия заботятся о тех уникальных объектах наследия, которые расположены на их территории?

— Сложно объективно ответить на этот вопрос, я видел или изучал лишь некоторые объекты на территории Центральной Азии. Приведу один пример, ставший хрестоматийным – городище Талгар. Талгар – памятник наследия всего в 25 километрах от Алматы, включен в список Всемирного наследия в 2014 году как часть китайско-кыргызско-казахского объекта «Шелковый путь: сеть маршрутов Чанъань — Тянь-Шаньского коридора». Когда я посетил этот объект в 2018 году, он представлял из себя замусоренный пустырь, на котором уныло паслись коровы и козы. Буферные зоны вокруг объекта были застроены новыми коттеджами, а вдоль одного борта городища высилась ЛЭП. Но все это было незначительными деталями в сравнении с огромным мостом автомагистрали, перешагнувшим реку Талгар и как бы застывшим, уперевшись в борт городища…

В ту пору Южный Казахстан был одержим идеей освоить горные склоны под горнолыжные курорты, и одна из дорог наверх, по замыслу создателей, должна была пройти по заповедному городищу. Но о стройке стало известно китайским коллегам, которые, собственно, и были организаторами, вдохновителями и финансистами создания очередного объекта Всемирного наследия «имени Шелкового пути». И китайские коллеги подняли вселенский шум, был международный скандал, срочная миссия эмиссаров ЮНЕСКО и много освещения в прессе.

И с тех пор, как памятник защитным силам Конвенции по охране Всемирного наследия, стоит на краю городища Талгар мост в никуда, а я себя заставить туда поехать второй раз просто не могу.

Александр Ескендиров (Eurasianet)

Источник — «Реки без границ»

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Телеграме

Следите за новыми материалами, экологическими новостями и публикациями.

Перейти
На главную В рубрику

Оставить комментарий Отменить ответ

Читайте также

Еще статьи из Вода

Вода

Для безопасности плотин в Центральной Азии

02.09.2026
243 просмотров

Для обучения специалистов создается Академия безопасности гидротехнических сооружений. В ЦА насчитывается свыше 1200 плотин, из них 110 относится к разряду больших.

Вода

Насколько полны были Амударья, Сырдарья и водохранилища на этих реках в июле 2026 года

13.08.2026
603 просмотров

Фактическая приточность к верхним водохранилищам была больше прогноза, в том числе к Токтогульскому водохранилищу на 202 млн.м3, к Андижанскому на 10 млн.м3, к Чарвакскому водохранилищу на 192 млн.м3.

Вода

Три канала Центральной Азии включены в реестр Всемирного ирригационного наследия в 2026 году

11.08.2026
488 просмотров

Получили признание Международной комиссии по ирригации и дренажу ирригационная система «Халифа Хасан» в Таджикистане и каналы «Даргом» и «Шохруд» в Узбекистане.